

Н.Ф. ШАХМАГОНОВ

*Екатерина Великая
в любви и супружестве*

ЛЮБОВНЫЕ
ДРАМЫ

Любовные драмы

Николай Шахмагонов

**Екатерина Великая в
любви и супружестве**

«ВЕЧЕ»

2016

Шахмагонов Н. Ф.

Екатерина Великая в любви и супружестве / Н. Ф. Шахмагонов — «ВЕЧЕ», 2016 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4444-8445-6

Кто она, Великая Императрица, при которой выросла целая плеяда славных Екатерининских орлов? О себе она говорила: «Россия велика сама по себе, и что я ни делаю, подобно капле, падающей в море». Но за неё говорили дела — расширение пределов Российской Империи, присоединение Крыма, великие победы на суше и на море. Историк Николай Шахмагонов показывает Государыню в жизни и любви — брак поневоле, рождение сына Павла от камергера Сергея Салтыкова и разлука с любимым, отношения с Г.Г. Орловым и венчание с Г.А. Потёмкиным. По ее собственному признанию: «Если бы я смолоду имела мужа, которого любить могла, — век бы к нему не переменилась».

ISBN 978-5-4444-8445-6

© Шахмагонов Н. Ф., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Подвиг во имя спасения – подвиг во имя России	6
Часть первая	8
Под таинственным светом кометы	8
Великолепная Елизавета	14
«Что выросло, то выросло...»	17
Екатерина и вера Православная	19
О свадьбе слышала с отвращением	22
Первая любовь Екатерины	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Федорович Шахмагонов

Екатерина Великая в любви и супружестве

© Шахмагонов Н.Ф., 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Подвиг во имя спасения – подвиг во имя России (вместо предисловия)

В ночь на 28 июня 1762 года братья Орловы подняли по тревоге лейб-гвардию. Алексей Григорьевич поскакал в Петергоф, ранним утром, будя придворных, ворвался в покои великой княгини Екатерины Алексеевны и объявил:

– Пора Вам вставать: все готово, чтобы Вас провозгласить...

Было шесть часов утра, и молочную пелену той тревожной и загадочной белой ночи уже прорезали ослепительные лучи чистого и горячего солнца.

Настал великий миг, когда Екатерине надо было решиться, как потом точно определил историк, «погибнуть с сумасшедшим или спастись с народом». Решение непростое – государственный переворот!

Но она решилась... Собралась по-военному быстро и уже в пути выслушала доклад Алексея Григорьевича Орлова о причинах такой спешки, о событиях в Петербурге, об аресте одного из участников заговора – капитана Пассека. Этот арест заставил действовать стремительно, решительно и дерзко, чтобы упредить противника в лице императора Петра III.

Один из исследователей екатерининского царствования писал впоследствии, что «все было подготовлено и сделано в пользу Екатерины добрыми Русскими патриотами без всякой надобности в ее вмешательстве. Она только рискнула собственно собою, когда мужество ее оказалось необходимым для окончательной развязки начатого дела».

Дело же было весьма опасным. При неудачной попытке дворцового переворота участникам, разумеется, не сносить головы. Замысел переворота родился еще при жизни императрицы Елизаветы Петровны как возможный вариант действий в случае вступления на престол Петра III. Он стал приобретать все более конкретные очертания практически с первых дней царствования императора Петра III, возмущившего и восстановившего против себя всю гвардию и всю общественность своей пропрусской политикой, своим неприличным и недостойным Русского Государя уничижительным поведением по отношению к Фридриху II, королю прусскому, недавнему противнику России в Семилетней войне.

Дорогой ценой досталась русскому воинству победа в той войне, немало жизней унесла кровавая бойня за интересы в большей степени европейских стран, нежели России. Но талантом русских полководцев П. С. Салтыкова, П. А. Румянцева, мужеством русского солдата победа была добыта, и Фридрих II уже восклицал: «Как суров, печален и ужасен конец моего пути...» Но тут неожиданно умерла императрица Елизавета Петровна, и на престол вступил голштинский принц Карл-Петр-Ульрих, обратившийся по приезде в Россию к Петру Федоровичу. Сущность его с изменением имени не изменилась. Интересы России так и не стали ему близкими. В годы Семилетней войны он, по мнению ряда историков, шпионил в пользу прусского короля Фридриха II и был награжден за то чином полковника прусской армии, а едва вступив на престол, возвратил Пруссии все потерянные ею земли. Корпус же генерала Чернышева, знаменитый стремительными действиями по овладению Берлином, отдал в распоряжение Фридриха для продолжения войны Пруссии против Австрии.

За это Фридрих пожаловал Петру III чин генерала прусской армии, которым тот дорожил больше, чем титулом Императора Российского. И вот взоры русских патриотов обратились на великую княгиню Екатерину Алексеевну.

У каждого человека бывает свой звездный час, каждый человек хотя бы раз в жизни может оказаться в такой обстановке, когда необходимо проявить свою волю, непреклонную решительность, твердость, мужество. В жизни и судьбе императрицы Екатерины Великой таких моментов было немало, но то, что произошло в памятные июньские дни 1762 года,

потрясло современников. Разве нельзя назвать ее звездным часом июньское утро, когда ей, женщине, существу нежному и хрупкому, пришлось облачиться в военный мундир, чтобы мужеством своим и своим примером воодушевить соратников на подвиг во имя России.

Известный биограф императрицы Александр Генрихович Брикнер писал в монографии «История Екатерины Второй»:

«Подвиг Екатерины не мог не произвести глубокого впечатления на современников. Была ясная летняя ночь. Екатерина верхом, в мужском платье, в мундире Преображенского полка, в шляпе, украшенной дубовыми листьями, из-под которой распущены были длинные красивые волосы, выступила с войском из Петербурга; подле Екатерины ехала княгиня Дашкова, тоже верхом и в мундире: зрелище странное, привлекательное, пленительное. Эта сцена напоминала забавы Екатерины во время юношества, ее страсть к верховой езде, и в то же время здесь происходило чрезвычайно важное политическое действие: появление Екатерины в мужском костюме, среди такой обстановки, было решающим судьбу России торжеством над жалким противником, личность которого не имела значения, сан которого, однако, оставался опасным до совершенного устранения его...»

Кто мог в середине XVIII века представить себе, кто мог постичь, что девочка-подросток, которая в 1744 году пересекла границу России, чтобы стать невестой, а затем супругой великого князя Петра Федоровича, превратится в Великую Государыню, преумножившую славу России. Чтобы понять, как произошло это невероятное превращение, надобно взглянуть беспристрастным оком на это чудесное превращение и обозреть удивительный, полный суровых испытаний и замечательных побед путь Великой Государыни...

Часть первая

Екатерина в любви и борьбе за власть

Под таинственным светом кометы

...Пуржила и вьюжила русская зима, взбивали огромные снежные перины неугомонные метели, очаровывало снежное безбрежье, таинственно мерцающее в лунном свете и сверкающее в свете солнечном. Дороги порой едва угадывались под снежными покровами. Без провожатых не найдешь, куда ехать, – заплутаешь в бесконечных просторах. Не доводилось прежде юной прусской принцессе Софии видеть столь необозримые, бескрайние просторы. Могла ли она представить себе в те минуты, что минут годы, и вся эта невообразимая красота русских полей, торжественность дубрав, рощ и лесов, одетых в белоснежное убранство непорочной чистоты, будет в ее державной власти. Вряд ли могла предположить, что она, во время частых своих путешествий, будет проноситься в карете, поставленной на лыжи, по российским просторам, жмурясь от слепящего снега днем и восхищаясь яркими факелами костров, освещающими царский путь ночью.

Резвые кони мчали прусскую принцессу в тревожную, но желанную неизвестность. Ей не было жаль прошлого – ее влекло будущее пусть туманное, но полное надежд.

Ночами, когда вдруг стихали метели и умолкали вьюги, в безоблачном небе сверкала яркими мириадами звезд огромная комета, одновременно и тревожная и завораживающая своею неземной, недоступной красотой и пугающей таинственностью. Она притягивала, она звала к раздумьям над странными поворотами судьбы, и принцесса София видела в ней какой-то высший знак, словно бы предназначенный именно ей Самим Богом. А где-то вдалеке, в глубине России, столь же замороженно глядел на комету двухлетний мальчуган, которому в будущем было суждено прославить мчавшуюся зимними дорогами принцессу в знаменитой оде «Фелица». И губы малыша, сидевшего на руках у няни, шептали первое в жизни осознанное им слово «Бог». Имя этого мальчугана – Гавриил Державин.

Под таким знаком въехала в Россию прусская принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская. Годы спустя она отметила в своих «Записках...»: «В Курляндии я увидела страшную комету, появившуюся в 1744 году; я никогда не видала такой огромной – можно было сказать, что она была очень близка к земле». И, может быть, эта комета утвердила ее в том, что суждено ей высокое предназначение. Недаром же ее тянуло в Россию, недаром она сделала все возможное, чтобы убедить своих родителей в необходимости принять предложение императрицы Елизаветы Петровны и мчаться, мчаться сквозь замеченные метелями русские просторы в эту загадочную, быть может, даже отчасти пугающую, но такую желанную страну.

Принцесса София Фредерика мчалась сквозь снежную пелену не одна. Рядом была мать – принцесса Гольштейн-Готторпского дома Иоганна Елизавета Гольштейн-Готторпская, путешествующая под именем графини Рейнбек. В подорожной так и было сказано – следуют в Санкт-Петербург графиня Рейнбек с дочерью.

Для чего такие предосторожности? Оказывается, далеко не всех при дворе императрицы Елизаветы Петровны устраивало то, что государыня пригласила из Пруссии принцессу Софию, желая сделать ее супругой наследника престола – великого князя Петра Федоровича. Ну а в бескрайних просторах по пути в столицу легко затеряться, легко сгинуть бесследно. И при дворе достаточно таких сил, которые хотели бы поспособствовать подобному исчезновению.

Но об этом и о непрестанной борьбе этих сил в свое время, а пока вернемся к таинственным и отважным путешественникам.

Старшей из двух принцесс – Иоганне Елизавете – Россия была близка уж тем, что ее старший брат Карл был в 1726 году императрицей Екатериной I объявлен женихом великой княгини Елизаветы Петровны. В тот год 15-летняя Иоганна сама была выдана замуж за 37-летнего прусского генерала князя Христиана Августа Ангальт-Дорнбургского и поселилась в Штеттине. Там она ожидала радостного известия о бракосочетании брата Карла с Елизаветой Петровной. Но весть пришла горькая: в канун свадьбы в Петербурге внезапно умер брат Карл.

Горе Иоганны разделила несостоявшаяся невеста великая княгиня Елизавета Петровна, которой совсем не сладко стало при дворе после смерти императрицы-матери, а затем и сменившего ее на престоле совсем еще юного Петра II Алексеевича. Императрица Анна Иоанновна не жаловала свою двоюродную сестру Елизавету.

Видимо, та теплая, добрая переписка сыграла определенную роль и в выборе императрицей Елизаветой Петровной невесты для наследника престола великого князя Петра Федоровича.

Но не только этим принцессе Иоганне была хоть и заочно, но близка Россия. Не могла она забыть встречу в Париже со статным русским красавцем Иваном Бецким...

Это случилось, когда восемнадцатилетняя Иоганна жила в Париже. Там и был ей представлен внебрачный сын влиятельного русского князя Трубецкого Иван Иванович Бецкой, в то время путешествующий по Европе после неудачного прохождения курса военных наук в Дании.

Родился Иван Иванович в Стокгольме 3 февраля 1704 года. В то время его отец Иван Юрьевич Трубецкой находился в шведском плену. Впрочем, плен в те времена заметно отличался от того, что мы видим во времена нынешние. Трубецкой не только сумел стать разведчиком, говоря языком нынешним, резидентом русской разведки, но и водил знакомства с представительницами прекрасного пола. К примеру, был в весьма теплых отношениях с баронессой Вреде, представительницей известного в Швеции баронского рода, известного с середины XI столетия.

Трубецкой, по обычаю того времени, дал внебрачному сыну свою фамилию без первого слога. Так и вступил в сей мир Иван Иванович Бецкой.

Отец стремился дать ему хорошее образование и направил на учебу в Копенгаген, в кадетский корпус. В России в ту пору кадетских корпусов еще не было. Они были образованы в период правления Анны Иоанновны. Выйдя из корпуса, Бецкой служил в Датском кавалерийском полку, но во время одного из учений получил серьезную травму при падении с лошади на марше эскадрона. Известно, что лошади никогда не идут на лежащего на земле человека. Но в строю эскадрона не все могли увернуться и нельзя было избежать беды. Травмы, полученные Бецким, заставили покинуть военную службу.

В знаменитом словаре Брокгауза и Ефрона сообщается:

«Выйдя в отставку, он (Бецкой И.И. – *Н.Ш.*) путешествовал по Европе и, между прочим, в Париже был представлен герцогине Ангальт-Цербстской – Иоганне – Елисавете (матери императрицы Екатерины II), которая и в то время, и впоследствии относилась к нему очень милостиво...»

Не об этом ли знакомстве и не о своем ли «очень милостивом» отношении к сыну знаменитого русского фельдмаршала вспоминала по дороге в Петербург принцесса Иоганна?

Только ей одной в Пруссии и только одному Ивану Ивановичу Бецкому в России было известно, что скрывается под этим милостивым отношением, на которое спустя более чем столетие было указано создателями Словаря.

Что осталось в прошлом у принцессы Иоганны? Жизнь вдали от светских развлечений в захолустном прусском городишке с мужем, который на целых 22 года старше? И лишь короткая вспышка парижских радостей, а потом срочное возвращение в Штеттин, тяжелые роды –

некоторые биографы упоминают, что будущая императрица Екатерина родилась семимесячной, – и долгое, почти полугодовое лечение после этих родов.

И вдруг приглашение в Россию! Приглашение, присланное самой Императрицей Российской Елизаветой Петровной, которую можно было считать подругой, пусть заочной подругой по переписке, но все же именно подругой – близким человеком, ведь когда-то их связали общее горе, общая скорбь по ушедшему брату Иоганна и жениху Елизаветы...

Принцесса Иоганна ехала с большими надеждами на перемену в ее доселе скучной и однообразной жизни.

А что же сама виновница этого путешествия? О чем могла думать она, глядя на пугающие с непривычки и одновременно завораживающие поля, луга, скованные льдом реки и озера, темнеющие вековые леса?

Того, что было в Штеттине, прусской принцессе не жалко. Она спокойно оставила небольшой прусский городишко, чтобы окунуться в необозримые русские просторы и в пучину столь еще, по мнению родителей, изменчивую и непостоянную русскую действительность.

Что ожидало ее в Пруссии? Довольно скучная, как и у ее матери, жизнь.

О младенчестве и отрочестве будущей Российской Государыни известно не так уж много. Причина ясна: кто мог предугадать столь великое ее будущее? Известный биограф императрицы А. Г. Брикнер указывал в монографии:

«Императрица Екатерина в позднейшее время охотно вспоминала и в шутиливом тоне говорила о той сравнительно скромной обстановке, при которой она, бывшая принцесса Ангальт-Цербстская Софья Фредерика Августа, родилась (21 апреля ст. ст., или 2 мая н. ст., 1729 года) и выросла в Штеттине, как дочь губернатора этого города, принца Христиана Августа и принцессы Иоанны Елизаветы, происходившей из Голштинского дома и бывшей, таким образом, в довольно близком родстве с Великим Князем Петром Федоровичем».

В 1776 году, касаясь своего детства, императрица Екатерина Вторая писала барону Гримму, собиравшемуся посетить Штеттин:

«...я родилась в доме Грейфенгейма, в Мариинском приходе... жила и воспитывалась в угловой части замка и занимала наверху три комнаты со сводами, возле церкви, что в углу. Колокольня была возле моей спальни. Там учила меня мамзель Кардель и делал мне испытания г. Вагнер. Через весь этот флигель по два или три раза в день я ходила, подпрыгивая, к матушке, жившей на другом конце...»

А далее в шутку прибавила:

«...может быть, Вы полагаете, что местность что-нибудь значит и имеет влияние на произведение сносных императриц».

В другом письме она продолжила шутку:

«Вы увидите, что со временем станут ездить в Штеттин на ловлю принцесс, и в этом городе появятся караваны посланников, которые будут там собираться, как за Шпицбергом китолоты».

Этими шутками Екатерина хотела, очевидно, подчеркнуть совершенную необычайность превращения принцессы из обедневшего рода сначала в великую княгиню, а затем и в императрицу России. Но в словах ее ощущается гордость за то, что она сумела сделать в России, чувствуется уверенность в том, что не слишком ошибались на новой ее родине те, кто предлагал ей дать высокое имя Матери Отечества.

Но что же послужило причиной столь неожиданного вызова в Россию незнатной прусской принцессы? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы в общих чертах познакомиться с тем, что происходило в ту эпоху в самой России.

Династическая линия Романовых с конца XVII века и вплоть до восшествия на престол Екатерины Великой была весьма слабой и непрочной. Старший сын Петра I, царевич Алексей Петрович, был, как известно, умерщвлен. Сын Петра I от Марты Самуиловны Скавронской

(будущей Екатерины I) умер в младенчестве. Сын казненного царевича Алексея Петровича, ставший в юные лета императором Петром II, умер, а по некоторым данным, был отравлен. Детей у него не было по младости лет. Даже женить юного императора не успели.

Род Романовых по мужской линии пресекся, и в 1730 году Верховный тайный совет остановил свой выбор на Анне Иоанновне, дочери Иоанна, старшего брата Петра, выданной еще в 1710 году за герцога Курляндского и вскоре овдовевшей. Анна Иоанновна правила с 1730 по 1740 год, и это царствование оставило по себе тяжелые воспоминания. После ее смерти оседлавшие Россию во времена «бироновщины» иноземцы возвели на престол младенца Иоанна Антоновича при регентстве его матери, Анны Леопольдовны, которая была дочерью герцога Мекленбург-Шверинского и племянницей Петра I Екатерины Иоанновны. Все это было сделано в обход законных прав дочери Петра Первого Елизаветы Петровны.

Наконец, русской гвардии надоела вся эта дворцовая кутерьма иноземцев, и 25 ноября 1741 года, разогнав неметчину, гвардейцы возвели на престол Елизавету Петровну.

Императрица Елизавета Петровна, насмотревшаяся на возню вокруг престола недостойной уважения своры алчных претендентов, стала искать возможность укрепить династическую линию. Но, увы, ей удалось найти лишь сына гольштейн-готторпского герцога Карла Фридриха и Анны Петровны, дочери Петра I от Марты Самуиловны Скавронской, который был наречен сложным для понимания в России именем Карл Петр Ульрих. С одной стороны, он был внуком Петра I, а один внук – император Петр II – уже правил в России с 1727 по 1730 год. Почему же не стать императором второму внуку? Но, с другой стороны, претендент на престол, выбранный Елизаветой Петровной, ее саму привел в шок...

Тем не менее дело сделано, и отступить некуда. Императрица стала спешно искать невесту для наследника. Она решила все надежды возложить на то чадо, которое родится от брака дурно воспитанного и малообразованного великого князя с достойной супругой, если удастся найти таковую.

Есть что-то мистически загадочное в том, что выбор пал именно на Екатерину Алексеевну, которая до Православного Крещения звалась София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская. Посудите сами: предлагались невесты гораздо более именитые. А. Г. Брикнер в «Истории Екатерины Второй» рассказал:

«Уже в 1743 году в Петербурге был возбужден и решен вопрос о женитьбе наследника престола. Еще до этого, а именно в конце 1742 года, английский посланник сделал предложение о браке Петра с одной из дочерей английского короля; рассказывают, что портрет этой принцессы чрезвычайно понравился Петру. С другой стороны, зашла речь об одной французской принцессе, однако Императрица Елизавета не желала этого брака. Из записок Фридриха II видно, что Императрица Елизавета, при выборе невесты для своего племянника, „все более склонялась на сторону принцессы Ульрики, сестры прусского короля“. Зато выбор Бестужева пал на Саксонскую принцессу Марианну, дочь польского короля Августа III, ибо этот брак вполне соответствовал политической системе канцлера, союзу между Россией, Австрией и Саксонией, для сдерживания Франции и Пруссии».

Как видим, рассматривались четыре претендентки, к одной из которых благоволила императрица Елизавета Петровна, к другой сам великий князь Петр Федорович, а к третьей, уже по политическим мотивам, канцлер Бестужев.

Но вдруг, казалось бы, ни с того ни с сего императрица Елизавета Петровна, никого не известив, завела переговоры о браке наследника с принцессой Софией Фредерикой Августой Ангальт-Цербстской, родители которой были крайне бедны, а сама невеста к тому же еще приходилась жениху троюродной сестрой.

Впрочем, полезнее ли были бы для России все вышепоименованные невесты, если учесть, каков сам жених по умственному складу и характеру? Могла ли Россия стать для них столь же желанной Родиной, как для Екатерины, если они у себя дома купались в роскоши, а для прин-

цессы Ангальт-Цербстской на ее родине перспектив по существу не было? Одной из причин выбора явилось то, что принцесса София, став великой княгиней, не смогла бы опираться на силу придворных партий, которые неминуемо сгруппировались бы при любой из перечисленных выше претенденток. Такая опора могла серьезно осложнить передачу прав на престол наследнику тому, кто появится на свет после бракосочетания великого князя.

Многие историки пытались понять, почему выбор пал именно на Софию Фредерику Августу? А. Г. Брикнер предлагал такое объяснение:

«С давних пор между русским двором и родственниками невесты Великого Князя Петра Федоровича существовали довольно близкие сношения. Брат княжны Иоганны Елизаветы (матери будущей Императрицы Екатерины II), епископ Любский Карл, при Екатерине I был в России в качестве жениха Елизаветы Петровны. Он вскоре умер, но Елизавета Петровна не переставала питать некоторую привязанность к его родственникам. Еще до мысли о браке Петра с принцессой Ангальт-Цербстской они находились в переписке с ее матерью...»

Так или иначе, но решение было принято, и Елизавета Петровна призвала в Петербург Иоганну Елизавету с дочерью. Причины приглашения, да и само по себе приглашение держались в тайне.

В своих «Записках...» императрица Екатерина Вторая вспоминала о тех удивительных событиях, которые предшествовали путешествию в Россию:

«1 января 1744 года мы были за столом, когда принесли отцу большой пакет писем; разорвав первый конверт, он передал матери несколько писем, ей адресованных. Я была рядом с ней и узнала руку обер-гофмаршала Голштинского герцога, тогда уже русского Великого Князя. Это был шведский дворянин по имени Брюмер. Мать писала ему иногда с 1739 года, и он ей отвечал. Мать распечатала письмо, и я увидела его слова: „...с принцессой, Вашей старшей дочерью“. Я это запомнила, отгадала остальное и, оказалось, отгадала верно. От имени Императрицы Елизаветы он приглашал мать приехать в Россию под предлогом изъявления благодарности Ее Величеству за все милости, которые она расточала семье матери».

Когда родители уединились в кабинете, как поняла она, для совещания по поводу загадочного письма, София почувствовала необыкновенное волнение. Она ждала решения, понимая, что речь в письме о ней, о ее судьбе. И решение вскоре было вынесено: мать «отклонила отца от мысли о поездке в Россию».

И вот тут будущая императрица Екатерина проявила удивительную, даже весьма дерзкую инициативу.

«Я сама заставила их обоих на это решиться, – вспоминала она в „Записках...“. – Вот как. Три дня спустя я вошла утром в комнату матери и сказала ей, что письмо, которое она получила на Новый год, волновало всех в доме... Она хотела узнать, что я о нем знала; я ей сказала, что это было приглашение от Русской Императрицы приехать в Россию и что именно я должна участвовать в этом. Она захотела узнать, откуда я это знала; я ей сказала: „Через гаданье“... Она засмеялась и сказала: „Ну, так если вы, сударыня, такая ученая, вам надо лишь отгадать остальное содержание делового письма в двенадцать страниц“. Я ей ответила, что постараюсь; после обеда я снесла ей записку, на которой написала следующие слова (гадалки, популярной в то время в Штеттине. – *Н.Ш.*):

„Предвещаю по всему,
что Петр III будет твоим супругом“.

Мать прочла и казалась несколько удивленной. Я воспользовалась этой минутой, чтобы сказать ей, что если действительно ей делают подобные предложения из России, то не следовало от них отказываться, что это было счастье для меня. Она мне сказала, что придется также многим рисковать ввиду малой устойчивости в делах этой страны; я ей отвечала, что Бог позаботится об их устойчивости, если есть Его воля на то, чтоб это было; что я чувствовала в себе

достаточно мужества, чтобы подвергнуться этой опасности, и что сердце мое мне говорило, что все пойдет хорошо...»

Затем предстояло еще убедить отца, с чем София Фредерика Августа вполне справилась, пояснив, что по приезде в Петербург они с матерью увидят, надо ли возвращаться назад. Отец дал письменное наставление в нравственности и велел хранить в тайне предстоящую поездку.

Детские годы на родине отложили определенный отпечаток на характер будущей императрицы.

В. В. Каллаш в статье «Императрица Екатерина II. Опыт характеристики», опубликованной в книге «Три века», которая была издана к 300-летию Дома Романовых, сделал такой вывод:

«Богатые природные силы, высокие требования, пошлая, монотонная, бедная обстановка – вот условия, среди которых слагался характер Екатерины в ее юности. Сознание недюжинных сил, постоянные унижения, противоречия между думами и действительностью заставляют рваться из этой тягостной атмосферы, отдаляют от родных, воспитывают самостоятельность характера, находчивость, наблюдательность, усиливают самолюбие и тщеславие; упругость некоторых из этих черт развивается пропорционально давлению среды».

Правда, не известно было, что же ожидает в России? Принцесса не могла не думать о том на протяжении всей долгой дороги, но всего того, что предстояло ей испытать, конечно, предположить не могла.

Великолепная Елизавета

Петербург встретил прусскую принцессу оглушающим пушечным салютом. Праздничное великолепие города поразило ее. Можно себе представить, сколько было самых ярких впечатлений от Зимнего дворца, восторгов от величественного вида Петропавловской крепости, гармонирующего с Невой, скованной льдом, днем, сверкающим в солнечных лучах, а ночью – в огнях иллюминации.

Но это только начало – предстоял еще путь в Москву, где находился двор и где ждали ее императрица Елизавета Петровна и великий князь Петр Федорович.

Путь в древнюю столицу поразили не меньше. И ныне еще, в век торжества сокрушителей природы, Валдай живет, борется с жестокосердием двуногих врагов лесов, озер полей и всего в них живого, а тогда он сверкал своею нетронутою красотой в необыкновенном торжественном величии.

Но вот позади Вышний Волочок, и старинная Тверь поражает своим патриархальным видом, далее Клин предстает перед глазами будущей Державной Повелительницы.

Но как бы ни были прекрасны старинные русские города, поражавшие своим своеобразием, обилием золотых куполов храмов и монастырей, златоглавая Москва окончательно сразила принцессу своими сорока сороков и певучим серебряным звоном.

И вот первая встреча с Елизаветой Петровной, слывшей едва ли не первой русской красавицей своего времени. В «Записках...» Екатерины это подтверждено в полной мере:

«Когда мы прошли через все покои, нас ввели в приемную Императрицы; она пошла к нам навстречу с порога своей парадной опочивальни. Поистине нельзя было тогда видеть ее в первый раз и не поразиться ее красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего стеснения во всех своих движениях; голова была также очень красива; на Императрице в тот день были огромные фижмы, какие она любила носить, когда одевалась, что бывало с ней, впрочем, лишь в том случае, если она появлялась публично. Ее платье было из серебряного глазета с золотым галуном; на голове у нее было черное перо, воткнутое сбоку и стоявшее прямо, а прическа из своих волос со множеством брильянтов...»

В то время самыми влиятельными сановниками при Елизавете Петровне были граф Алексей Григорьевич Разумовский (1709–1771) и его младший брат Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803). Алексей Разумовский пользовался особенным расположением.

Существует даже предание, что они венчались 13 июля 1748 года (по другим данным – в 1750 году). Елизавета Петровна была человеком верующим. Именно вера православная помогла ей пережить все муки, унижения и издевательства императрицы Анны в страшный для России век «бироновщины». Противозаконно отодвинутая от наследования престола, Елизавета Петровна видела в жизни немного добрых минут. Жених, предназначенный ей, умер, и предание о ее сближении с Алексеем Разумовским не лишено оснований. Любившая хоровое пение Елизавета взяла к себе из придворной капеллы привезенного с черниговщины в Петербург молодого малороссийского казака Алексея Разума, красавца, имевшего замечательный голос. Вскоре он стал камердинером, а затем и вершителем судеб людских при малом дворе.

Сразу после переворота 25 ноября 1741 года Алексей Разумовский произведен в поручики лейб-кампании с чином генерал-поручика и действительного камергера, а в день коронации Елизаветы Петровны получил орден Святого Андрея Первозванного, чин обер-егермейстера и богатые имения. В 1756 году императрица произвела его в генерал-фельдмаршальский чин.

Все эти факты не могут не наводить на мысли об особой роли Алексея Разумовского в судьбе России. Императрица Елизавета Петровна по обстоятельствам государственного свой-

ства не могла стать официальной супругой Алексея Разумовского. Да и нужды в том для продолжения уже существующих отношений в общем-то не было. При любом повороте дела Разумовский не мог стать отцом наследника престола, а к власти, по своему характеру, не стремился.

Нужда была иная. Православная императрица понимала, что отношения ее греховны, и, вполне возможно, стремилась узаконить их перед Богом, тем более что неизмеримо важнее это сделать именно перед Богом, а не перед людьми.

Верующим ведомо, что в 1-м послании Коринфянам есть такие строки: «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться как я; Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться».

Елизавета Петровна была нелицемерно верующей и потому нет ничего невероятного в преданиях о ее духовном браке. К примеру, Е. Анисимов в книге «Россия в середине XVIII века» тоже указывает:

«Алексея Григорьевича Разумовского традиционно принято считать тайным мужем Императрицы, обвенчанным с нею в подмосковном селе Перово в 1742 году».

Эта дата даже более достоверна, ведь Елизавета Петровна вступила на престол в 1741 году и не было резона ждать до 1748 года.

В 1747 году секретарь саксонского посольства Пецольд докладывал:

«Все уже давно предполагали, а я теперь знаю достоверно, что Императрица несколько лет назад вступила в брак с обер-егермейстером».

Интересные мысли о политике императрицы Елизаветы Петровны высказал автор книги «Рождение новой России» В. В. Мавродин:

«Вступление на престол Елизаветы, умело ускользнувшей в период подготовки дворцового переворота от пут французской и шведской дипломатии, и первые шаги обескуражили иностранных дипломатов».

«Трудно решить, какую из иностранных наций она предпочитает прочим, – писал о Елизавете Петровне Лафермлер. – По-видимому, она исключительно, почти до фанатизма любит один только свой народ, о котором имеет самое высокое мнение».

Не из колыбели ли Елизаветинской государственности выросли воззрения на Русский народ у будущей императрицы Екатерины? Известны ее слова:

«Русский народ есть особенный народ в целом свете: он отличается догадкой, умом, силою... Бог дал Русским особое свойство».

А. Г. Брикнер отмечал:

«Первое впечатление, произведенное принцессою Иоганною Елизаветою и ее дочерью на Императрицу (Елизавету Петровну. – *Н.Ш.*), было чрезвычайно благоприятно. Однако в то же время они видели себя окруженными придворными интригами. Для приверженцев проекта саксонской женитьбы приезд Ангальт-Цербстских принцесс был громовым ударом. Они не хотели отказаться от своих намерений. Саксонский резидент продолжал хлопотать об этом деле, обещая Курляндию как приданое невесты Марианны».

Историк Сергей Михайлович Соловьев указал, что Бестужев был приведен в ярость приездом принцессы Ангальт-Цербстской и заявил: «Посмотрим, могут ли такие брачные союзы заключаться без совета с нами, большими господами этого государства».

С первых дней пребывания при дворе принцессе Софии приходилось вести себя более чем осмотрительно, тем более она не могла не заметить, что жениху своему не очень пришлось по душе. Впрочем, это не слишком ее огорчало, ибо великий князь также не тронул ее сердце. Она и прежде знала, что ее жених не блещет достоинствами.

В своих «Записках...» сообщила, что увидела его впервые еще в 1739 году, в Эйтине, когда он был одиннадцатилетним ребенком, и наслушалась весьма нелицеприятных отзывов, подобных этому:

«Тут я услышала, как собравшиеся родственники толковали между собою, что молодой герцог наклонен к пьянству, что его приближенные не дают ему напиваться за столом, что он упрям и вспыльчив, не любит своих приближенных и особливо Брюмера, что, впрочем, он довольно живого нрава, но сложения слабого и болезненного. Действительно, цвет лица его был бледен; он казался тощ и нежного темперамента. Он еще не вышел из детского возраста, но придворные хотели, чтобы он держал себя как совершеннолетний. Это тяготило его, заставляя быть в постоянном принуждении. Натянутость и неискренность перешли от внешних приемов обращения и в самый характер».

«Что выросло, то выросло...»

Встреча с будущим женихом великим князем Петром Федоровичем, как видим, не произвела на Софию Фредерику Августу такого впечатления, как встреча с императрицей Елизаветой Петровной.

В своих «Записках...» она отметила:

«Не могу сказать, чтобы он мне нравился или не нравился; я умела только повиноваться. Дело матери было выдать меня замуж. Но, по правде, я думаю, что русская корона больше мне нравилась, нежели его особа».

Да, мысли о Российской короне занимали ее с того самого момента, как узнала о письме-приглашении, причем были столь настойчивы, словно подсказывал их кто-то Высший и Всемогуший. Эти мысли отодвигали на второй план все неудобства и неурядицы, которые стояли на пути к столь, казалось бы, призрачной цели. И не пугало даже то, что великий князь вовсе не был ей интересен.

Она вспоминала о тех своих впечатлениях:

«Ему было тогда шестнадцать лет; он был довольно красив до оспы, но очень мал и совсем ребенок; он говорил со мною об игрушках и солдатах, которыми был занят с утра до вечера. Я слушала его из вежливости и в угоду ему; я часто зевала, не отдавая себе в этом отчета, но я не покидала его, и он тоже думал, что надо говорить со мною; так как он говорил только о том, что любит, то он очень забавлялся, говоря со мною подолгу».

Мы привыкли рассуждать о великом князе Петре Федоровиче, пользуясь оценками современников, наблюдавших его в России – но в Россию явилось то (как в известном каламбуре) «что выросло, то выросло». Во всяком случае, о том, как проходило детство этого человека, обычно не упоминается. Тем интереснее сообщение, сделанное одним из авторов книги «Три века», изданной к 300-летию Дома Романовых: «Петр III был от природы слабым, хилым, невзрачным на вид ребенком, который постоянно болел и выйдя уже из детского возраста. Дурное воспитание, легкомысленно и бестолково веденное его голштинскими наставниками Брокдорфом и Брюммером, не только не исправило недостатков физической организации принца, но еще более их усилило. Ребенок часто должен был дожидаться кушанья до двух часов пополудни и с голоду охотно ел сухой хлеб, а когда приезжал Брюммер и получал от учителей дурные отзывы о принце, то начинал грозить ему строгими наказаниями после обеда, отчего ребенок сидел за столом ни жив ни мертв, и после обеда подвергался головной боли и рвоте желчью. Даже в хорошую летнюю погоду принца почти не выпускали на свежий воздух... Принца часто наказывали, причем в числе наказаний были такие, как стояние голыми коленями на горохе, привязывание к столу, к печи, сечение розгами и хлыстом».

Словом, над ним, по сути, просто-напросто издевались, как над сиротой, ибо матери он лишился еще в младенчестве, а отца в весьма малом возрасте. Известно, что жестокость воспитателей никогда не приводит к благим результатам, переламинает характер воспитуемого, зачастую образуя в нем еще большее жестокосердие. Казалось бы, переезд в Россию мог стать спасением для четырнадцатилетнего отрока. Но никому и в голову не пришло поменять воспитателей, поскольку садисты, приставленные к Карлу-Петру-Ульриху, вполне естественно, на людях свою жестокость не демонстрировали. Да и вопросы воспитания при дворе Елизаветы Петровны не стояли выше тех, что испытал уже на себе высокородный отрок.

«И здесь нисколько не заботились о физическом развитии наследника престола, заставляя его подолгу и чуть не до изнурения проделывать всевозможные балетные па».

В результате за три года пребывания в России Петр перенес три тяжелые болезни.

И снова никто не подумал о физической закалке. Жизнь текла по-прежнему. Симпатий ни у кого наследник престола не вызывал. Да, впрочем, и был он далеко несимпатичен.

Некто Рюльер оставил словесный портрет Петра Федоровича:

«Его наружность, от природы смешная, сделалась таковою еще более в искаженном прусском наряде; штиблеты стягивал он всегда столь крепко, что не мог сгибать колен и принужден был садиться и ходить с вытянутыми ногами. Большая, необыкновенной фигуры шляпа прикрывала малое и злобное, но довольно живое лицо, которое он безобразил беспрестанным кривлянием для своего удовольствия».

И вот прибывшая в Россию принцесса София должна была стать супругой этакого чучела. Рюльер, кстати, более расположенный к великому князю, нежели к принцессе, тем не менее, оставил портрет ее, представляющий явную противоположность вышеописанному портрету:

«Приятный и благородный стан, гордая поступь, прелестные черты лица и осанка, повелительный взгляд, – все возвещало в ней великий характер. Большое открытое чело и римский нос, розовые губы, прекрасный ряд зубов, нетучный, большой и несколько раздвоенный подбородок. Волосы каштанового цвета отличной красоты, черные брови и таковые же прелестные глаза, в коих отражение света производило голубые оттенки, и кожа ослепительной белизны. Гордость составляла отличительную черту ее физиономии. Замечательные в ней приятность и доброта для проницательных глаз не что иное, как действие особенного желания нравиться...»

Екатерина и вера Православная

Между тем на пути к заветной цели было и еще одно испытание. Принцесса София, о чем есть немало свидетельств, была искренне привержена к своей лютеранской вере, в которой строго и сурово наставлял ее отец, мнение коего для нее значило немало. А тут, с первых дней пребывания в России, ее стали готовить к перемене вероисповедания. Это не могло бы пройти безболезненно, когда б не мудрые наставления определенного к ней в наставники Симона Тодорского, который впоследствии стал архиепископом Псковским и умер в 1754 году, не дожив до восшествия на престол своей подопечной.

Это был глубоко верующий и образованный священнослужитель. Уже за несколько первых уроков он сумел добиться значительных результатов, о чем мы можем судить по воспоминаниям самой обучаемой.

В «Лекциях по истории Русской Церкви» Е. Сумароков писал: «Трудность задачи увеличивалась тем, что приходилось иметь дело с сильным и стойким характером, неспособным поддаваться чужим мнениям и смотреть на что бы то ни было чужими глазами. Однако для Тодорского трудность подобной задачи не казалась непреодолимой. С одной стороны, обладая в совершенстве высшею ученостью и немецким языком, прекрасно зная дух лютеранства, отчетливо представляя себе хорошие и слабые стороны его над другими вероисповеданиями, будучи, наконец, знаком с неосновательными нареканиями, возводимыми на Православие врагами его, Симон с первых же шагов преподавания принцессе является, так сказать, во всеоружии. Заметив сильную приверженность принцессы к родному ей лютеранскому исповеданию, Симон сначала не только не высказывался о нем категорически, напротив, поспешил заявить свое уважение и одобрение всему, что в нем заслуживает такового. Этим он приобрел доверие ученицы и расположенность выслушивать его дальнейшие наставления... Сопоставляя дальше Православие с лютеранством, Симон особенно отмечал существенные пункты сходства между тем и другим, разъясняя при этом несущественность обрядовых разностей. Благодаря такому ведению дела, принцесса в скором времени если не отрешилась еще от привязанности к лютеранству, то, во всяком случае, изменила свой предубежденный взгляд на Православие. Выучивая, наконец, преимущество Православия, он касался церковной истории и доказывал на основании ее, что только Православная Церковь осталась верною подлинным началам древней истинной Христовой и Апостольской Церкви.

После точного разбора главных членов двух вероисповеданий и сличения православного cateхизиса с лютеранским, Тодорский представил Софии торжественное исповедание Православной веры».

Принцесса София, полностью ознакомленная с православием, приняла крещение 28 июня 1744 года и стала Екатериной Алексеевной.

Забегая вперед, обратимся к некоторым фактам, которые характеризуют отношение Екатерины Алексеевны к православному вероисповеданию.

По словам секретаря императрицы Грибовского, она была «очень любима духовенством...».

Редактор «Русского архива» Петр Иванович Бартенев, историк и литературовед, дополнил данное утверждение. Он указал, что об этом свидетельствовал ее современник, будущий митрополит Киевский Евгений (Болховитинов) в своих письмах, напечатанных в «Русском архиве».

Нельзя не обратить внимания и на некоторые «совпадения» и «случайности», связанные с жизнью императрицы Екатерины II. Во-первых, переворот, в результате которого она пришла к власти в 1762 году, совершился именно 28 июня, то есть в день ее православного крещения, состоявшегося за 18 лет до того. И было ей при восшествии на престол 33 года. Во-вторых,

почему будущая Императрица Российская от рождения носила христианское имя София, что в переводе с греческого означает – премудрость? День имени (именин) приходится на первый из дней памяти святых, совершаемый после дня рождения, то дохристианское имя уже было в честь христианской святой Софии Римской, священномученицы, благочестивой вдовы-христианки, матери святых священномучениц Веры, Надежды и Любви, память которых – 30 сентября. В-третьих, случайно ли имя Екатерина? Екатерина (с греческого – всегда чистая). Имя Екатерина принадлежало святой великомученице Александрийской, жившей в Александрии в IV веке и пострадавшей за Христа. Святая была княжеского рода, говорит православный источник, отличалась необыкновенной красотой, ученостью и мудростью. Обладая такими редкими качествами, святая объявила родителям, что согласится выйти замуж лишь за того, кто превзойдет ее знатностью, богатством, красотой и мудростью...

Мать св. Екатерины, тайная христианка, повела девушку за советом к своему духовнику. Старец сказал, что знает Юношу, который превосходит ее во всем, и Екатерина загорелась желанием увидеть Небесного Жениха. Сам Иисус Христос нарек святую Екатерину своей невестой... (См. Букварь: начало познания вещей Божественных и человеческих. «Е-К», с. 166.)

Мы знаем, чьей супругой стала перед Богом Русская Императрица, земная Екатерина. «Гений Потемкина царил над всеми частями русской политики» – таков отзыв современников о законном, венчанном супруге государыни светлейшем князе Григории Александровиче Потемкине-Таврическом, славных деяний которого во имя России мы еще коснемся в последующих главах.

Я ничего не хочу сказать более того, что говорят факты, но слова «совпадение» и «случайность» взял в кавычки намеренно, ибо в мире не бывает случайностей, а по словам преподобного Серафима Вырицкого:

«Всемогущий Господь управляет миром, и все, совершающееся в нем, совершается или по милости Божией, или по попущению Божию. Судьбы же Божии непостижимы для человека».

Но вернемся к книге Н. Д. Тальберга «Екатерина II». Автор приводит такой факт:

«22 апреля 1769 года Императрица писала Осипу Емельяновичу Сатину из местечка Калюс, близ Хотина: „Господин полковник Сатин (тамбовский помещик, впоследствии генерал-майор). Крест монастыря Волахского Радовозы, о котором объявило тамошнее духовенство, что оный весь из Животворящего Креста, который Вы ко мне прислали через генерал-майора Потемкина, он в целости довез, за что благодарна. Я сей крест для должного почитания поставила в придворной церкви и письмо Ваше отдала в ризницу для сохранения, и чтоб память осталась, откуда сия святыня прислана...“».

Или еще пример: «Императрица с большим уважением относилась к иеромонаху Платону, будущему Московскому митрополиту, служившему в придворной церкви и бывшему законоучителем Цесаревича Павла Петровича. В воскресенье 10 октября 1764 года, выйдя из храма, она признала:

„Отец Платон сердит сегодня был, однако ж очень хорошо сказывал. Удивительный дар имеет“».

20 сентября 1765 года после литургии императрица говорила:

«Отец Платон делает из нас, что хочет: хочет он, чтоб мы плакали, – мы плачем; хочет, чтоб мы смеялись, – мы смеемся».

В 1793 году возник вопрос о женитьбе великого князя Константина Павловича на одной из дочерей короля обеих Сицилий Фердинанда IV. Но принцесса, будучи католичкой, не соглашалась переменить религию. На это последовал ответ императрицы Екатерины:

«Их Величества, вероятно, не знают, что Россия столь же привержена к вере Православной, как они к латинской. Греческая вера должна быть исповедуема искренно и без затаенных

мыслей, а потому латинское или греко-латинское наследие, покуда я жива, никогда не будет допущено в мою семью».

В. С. Иконников отмечал:

«Греческую церковь она сравнивала с дубом, имеющим глубокие корни».

Во время французской революции императрица писала Гримму, что «протестантские правительства хорошо бы сделали, решившись принять Православие, так что это исповедание должно считать оплотом против всякой неприязненной религии, против безнравственной и преступной заразы».

В. С. Иконников указал:

«Вскоре по вступлении на престол она делает распоряжение о непристойности представлений на придворной сцене с языческим характером (1762); о недопущении в Россию книг, которые направлены „против закона“ (т. е. веры и „доброго нрава“); [„Эмиль“ Руссо, „Письма жидовские“ д. Аржанса]. Она не согласилась на допущение переводов известного сочинения Арндта („О истинном Христианстве“), так как он был воспрещен до нее. О себе же говорила: „Я принадлежу к числу тех, которые считают баловством не подчиняться этому церковному закону, к которому большинство из нас очень привязано“». Убежденность в отстаивании православия при браках членов Российского Царственного Дома проявила императрица, когда должно было состояться в Санкт-Петербурге в 1796 году обручение великой княжны Александры Павловны (1783–1810) с лютеранином, шведским королем Густавом-Адольфом IV. Государыня решительно не дала согласия на перемену любимой внучкой религии. Брак из-за этого расстроился...

30 августа 1774 года императрица сообщила Гримму:

«Нынче знаменательный день, во-первых, потому что я прошла пешком три версты с половиной крестным ходом из Казанского собора в Александровскую Лавру...»

Секретарь императрицы А. В. Храповицкий отмечал в дневнике за 1787 год, что государыня, пребывая в Киеве, говела, требовала этого от свиты и «считала тех, кто не приобщался». По средам и пятницам Екатерина II кушала постное, и в эти дни обедали в маленьких апартаментах с очень немногими.

Итак, 28 июня 1744 года София Фредерика Августа приняла православную веру и стала Екатериной Алексеевной. Началась подготовка к бракосочетанию великого князя Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны.

О свадьбе слышала с отвращением

Столь радостное, казалось бы, событие было омрачено взаимным равнодушием между женихом и невестой. Об истинном отношении Екатерины к Петру Федоровичу говорят такие строчки:

«Я с отвращением слышала, как упоминали этот день, и мне не доставляли удовольствия, говоря о нем. Великий Князь иногда заходил ко мне вечером в мои покои, но у него не было никакой охоты приходить туда: он предпочитал играть в куклы у себя; между тем ему уже исполнилось тогда 17 лет, мне было 16; он на год и три месяца старше меня».

Свадьба была назначена на 21 августа 1745 года. Образцами для торжеств, как писал биограф, служили подобные церемониалы при бракосочетании французского дофина в Версале и сына короля Августа III в Дрездене.

Но императрица Елизавета Петровна, будучи нелicenseмерно набожной, пожелала, чтобы жених и невеста подготовились к этому обряду по православному. То есть по всем правилам выдержали Успенский пост. 15 августа она вместе с ними отправилась причаститься в церковь Казанской Божьей Матери, а затем, спустя несколько дней, водила их, причем пешком, в Александровскую лавру.

«Чем больше приближался день моей свадьбы, тем я становилась печальнее, и очень часто я, бывало, плакала, сама не зная, почему, – признавалась Екатерина. – Я скрывала, однако, насколько могла, эти слезы, но мои женщины, которыми я всегда была окружена, не могли не заметить этого и старались меня рассеять».

Накануне свадьбы двор переехал из Летнего в Зимний дворец. «Вечером, – вспоминала Екатерина, – мать пришла ко мне и имела со мною очень длинный и дружеский разговор: она мне много проповедовала о моих будущих обязанностях; мы немного поплакали и расстались очень нежно».

Ранним утром 21 августа Петербург был разбужен пушечной пальбой. Торжества начались. Сама императрица Елизавета Петровна приняла деятельное участие в приготовлениях великой княгини. Уже в 8 часов утра она пригласила Екатерину в свои покои, где дворцовые дамы стали ее причесывать.

«Императрица пришла надеть мне на голову великокняжескую корону и потом она велела мне самой надеть столько драгоценностей из ее и моих, сколько хочу, – читаем мы в Записках. – ...платье было из серебристого глазета, расшитого серебром по всем швам, и страшной тяжести».

Примерно в три часа дня императрица усадила в свою карету великого князя Петра Федоровича и великую княгиню Екатерину Алексеевну и повезла их «торжественным шествием» в церковь Казанской Божьей Матери. Там и состоялся обряд венчания, который провел епископ Новгородский.

У врачей, очевидно, уже в ту пору появились сомнения относительно способностей великого князя сделать то, что от него требовалось в первую очередь – то есть дать потомство. Елизавета Петровна с каждым годом, да что там годом, с каждым месяцем, а может быть, и днем убеждалась в неспособности Петра Федоровича занять престол русских царей, когда придет время.

И вот бракосочетание состоялось. Торжества продолжались десять дней и превзошли своим великолепием те, которыми гордились в Версале и Дрездене. Двор императрицы Елизаветы и без того поражал иностранцев своим богатством, своим гостеприимством, необыкновенными празднествами. А во время торжеств окончательно сразил всех.

В день свадьбы во дворце дали торжественный бал, который, правда, продолжался всего около часа и на котором танцевали только полонезы.

Ну а потом... Конечно, первая ночь после свадьбы – таинство, которое принадлежит новобрачной паре. Быть может, так оно и было бы и мы не прочли бы в «Записках Императрицы Екатерины II» того, что можем прочесть, не прочли, если бы все случилось не так, как у юной великой княгини и великого князя.

В «Записках...» Екатерина не скрывала ряда своих последующих связей и увлечений, но лишнего не допускала ни в единой строчке. Здесь же, говоря о первой ночи, которую принято именовать брачной, весьма и весьма откровенна:

«Императрица повела нас с Великим Князем в наши покои; дамы меня раздели и уложили между девятью и десятью часами. Я просила принцессу Гессенскую побыть со мной еще немного, но она не могла согласиться. Все удалились, и я осталась одна больше двух часов, не зная, что мне следовало делать: нужно ли встать? Или следовало оставаться в постели? Я ничего на этот счет не знала...»

На этой строчке хотелось бы задержать внимание читателей. Многие авторы пытались убедить нас, что принцесса София приехала в Россию чуть ли уже не прошедшей огни, воды и медные трубы. Иные даже заявляли, что рвалась она сюда, поскольку «очень любила гусар». Оставим на совести пасквильянтов их заявления. Но вот что вспоминала императрица о том, каковы ее представления об отношениях мужчины и женщины были до свадьбы:

«К Петрову дню весь двор вернулся из Петергофа в город. Помню, накануне этого праздника мне вздумалось уложить всех своих дам и также горничных в своей спальне. Для этого я велела постлать на полу свою постель и постели всей компании, и вот таким образом мы провели ночь; но прежде, чем нам заснуть, поднялся в нашей компании великий спор о разнице обоих полов. Думаю, большинство из нас было в величайшем неведении; что меня касается, то могу поклясться, что хотя мне уже исполнилось 16 лет, но я совершенно не знала, в чем состояла эта разница; я сделала больше того, я обещала моим женщинам спросить об этом на следующий день у матери; мне не перечили и все заснули. На следующий день я действительно задала матери несколько вопросов, и она меня выбрала».

Полагаю, что сомневаться в искренности написанного оснований нет. Ведь в тех главах «Записок...», где речь идет об отношениях с Сергеем Салтыковым, Станиславом Понятовским, с Григорием Орловым, императрица достаточно откровенна. И в описании того, что с нею произошло после свадьбы, она, судя по тону повествования, ничего не скрывает:

«Наконец, Крузе, моя новая камер-фрау, вошла и сказала мне очень весело, что Великий Князь ждет своего ужина, который скоро подадут. Его Императорское Высочество, хорошо поужинав, пришел спать, и когда он лег, он завел со мной разговор о том, какое удовольствие испытал бы один из его камердинеров, если бы увидел нас вдвоем в постели; после этого он заснул и проспал очень спокойно до следующего дня... Крузе захотела на следующий день расспросить новобрачных, но ее надежды оказались тщетными; и в этом положении дело оставалось в течение девяти лет без малейшего изменения».

Девять лет без изменений! Эту фразу Екатерина Алексеевна повторила затем, уже в 1774 году, в письме, адресованном Григорию Александровичу Потемкину. А если точнее – именно с такой фразы и начато письмо, названное «Чистосердечной исповедью». Но все это было через много лет.

Пока же необходимо заметить, что именно в те праздничные для всех, кроме Екатерины, дни она окончательно убедилась в том, что в личной жизни ей счастья ожидать не приходится.

Какими бы сложными ни были ее отношения с матерью, но мать была и оставалась для нее самым близким и дорогим человеком, и предстоящий отъезд еще более усугублял положение.

«Со свадьбы мое самое большое удовольствие было быть с нею (с матерью. – Н.Ш.), – признавалась Екатерина. – Я старательно искала случаев к этому, тем более что мой домашний

уголок далеко не был приятен. У Великого Князя все были какие-то ребячества; он вечно играл в военные действия, окруженный прислугой и любя только ее».

В «Чистосердечной исповеди», адресованной Потемкину в 1774 году, есть такая строчка: «...есть ли б я смолоду получила мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменялась». А ведь такие мысли родились у Екатерины не сразу, не вдруг – они выстраданы нелегкой ее жизнью в первые годы после замужества.

Казалось бы, что еще надо – достаток, положение, колоссальные перспективы... Но недаром говорят, что «богатые тоже плачут». Люди великие считают богатством не то, что считают таковым «князи из грязи». Екатерина не случайно увлекалась философией – именно в философии она находила мудрые мысли, созвучные со своими душевными чаяниями.

Еще в первые дни пребывания в России произошел такой любопытный случай... В Петербург приехал граф Гюлленбург, который еще прежде, во время одной из встреч в Гамбурге, поговорив с юной принцессой, посоветовал ее матери Иоганне Елизавете побольше заниматься с дочерью, у которой уже проявился философский склад ума. И предрек принцессе большое будущее. И вот во время встречи в Петербурге он поинтересовался, как обстоят дела с занятиями философией «при том вихре» событий, в котором она пребывает, и как она оценивает сама себя. Екатерина стала рассказывать о своих делах и занятиях, и, видимо, в чем-то показалась графу самонадеянной, потому что он с теплой улыбкой сказал:

– Пятнадцатилетний философ не может еще себя знать!

А потом, подумав, предупредил, что в своем положении она окружена множеством подводных камней, о которые легко можно разбиться, если не закалить душу. А для закалки ее надо питать самым лучшим чтением. Граф рекомендовал «Жизнь знаменитых мужей» Плутарха, «Письма к Луцилию» и «О счастливой жизни» Луция Аннея Сенеки, «Жизнь Цицерона» и «Причины величия и упадка Римской республики» Монтескье и другие труды.

«Я тотчас же послала за этими книгами, – писала впоследствии Екатерина Великая, – которые с трудом тогда нашли в Петербурге».

Графу же обещала набросать свой портрет, дабы он мог видеть, знает ли она себя. «Действительно, я изложила в письме свой портрет, который озаглавила: „Набросок начерно характера философа в пятнадцать лет“, и отдала ему. Много лет спустя, а именно в 1758 году, я снова нашла это сочинение и была удивлена глубиной знания самой себя...»

Быть может, именно тот разговор подтолкнул ее к чтению книг по философии, к попытке осознать свое место в бурном и неустойчивом мире. Много созвучного своим мыслям она нашла у Сенеки, который в свое время писал:

«Достичь счастливой жизни трудно, ибо, чем быстрее старается человек до нее добраться, тем дальше от нее оказывается, если сбился с пути; ведь чем скорее бежишь в противоположную сторону, тем дальше будешь от цели. Итак, прежде всего, следует выяснить, что представляет собой предмет наших стремлений; затем поискать кратчайший путь к нему, и уже по дороге, если она окажется верной и прямой, прикинуть, сколько нам нужно проходить в день и какое примерно расстояние отделяет нас от цели, которую сама природа сделала для нас столь желанной».

Вот одна из дорог, указанная философом:

«Угождайте же телу лишь настолько, насколько нужно для поддержания его крепости, и такой образ жизни считайте единственно здоровым и целебным. Держите тело в строгости, чтобы оно не переставало повиноваться душе: пусть пища лишь утоляет голод, питье – жажду, пусть одежда защищает тело от холода, а жилище – от всего ему грозящего. А возведено ли жилище из дерна или из пестрого заморского камня, разницы нет: знайте, под соломенной кровлей человеку не хуже, чем под золотой. Презирайте все, что ненужный труд создает ради украшения или напоказ. Помните, что ничто, кроме души, недостойно восхищения, а для великой души все меньше нее».

Да, если бы Екатерине смолоду достался муж, достойный любви, в личной жизни все могло бы сложиться иначе. В своих «Записках...» она размышляла об этом:

«Я очень бы любила своего нового супруга, если бы только он захотел или мог быть любезным; но у меня явилась жестокая для него мысль в самые первые дни моего замужества. Я сказала себе: если ты полюбишь этого человека, ты будешь несчастнейшим созданием на земле; по характеру, каков у тебя, ты пожелаешь взаимности; этот человек на тебя почти не смотрит, он говорит только о куклах или почти что так, и обращает больше внимания на всякую другую женщину, чем на тебя; ты слишком горда, чтобы поднять шум из-за этого, следовательно, обуздывай себя, пожалуйста, насчет нежностей к этому господину; думайте о самой себе, сударыня. Этот первый отпечаток, оттиснутый на сердце из воска, остался у меня, и эта мысль никогда не выходила из головы; но я остерегалась проронить слово о твердом решении, в котором я пребывала, – никогда не любить безгранично того, кто не оплатит мне полной взаимностью. Но по закалу, какой имело мое сердце, оно принадлежало бы всецело и без оговорок мужу, который любил бы только меня и с которым я не опасалась бы обид, каким подвергалась с данным супругом. Я всегда смотрела на ревность, сомнение и недоверие и на все, что из них следует, как на величайшее несчастье, и была всегда убеждена, что от мужа зависит быть любимым своей женой, если у последней доброе сердце и мягкий нрав. Услужливость и хорошее общение мужа покорят ее сердце».

А ведь такой человек был... Близкий по духу и сердцу, но в то время еще очень и очень далекий и вовсе ей неизвестный. Да к тому же совсем еще ребенок. Как не обратить внимания на схожесть сокровенных мыслей юной великой княгини и первых осознанных высказываний отрока Григория Потемкина, которые он оставил на полях книг своей родительской библиотеки. Известный мемуарист XIX века Сергей Николаевич Глинка, побывавший в селе Чижово Смоленской губернии, в его время еще сохранившемся, нашел в одной из книг подчеркнутые рукою Григория Потемкина слова:

«Изобилие денег не то, что благоразумие души: деньги истрачиваются».

И Григорий начертал возле этих строк:

«И это сущая правда, и я целую эти золотые слова!»

Но до встречи Екатерины и Потемкина было еще очень и очень далеко.

Первая любовь Екатерины

Планы Елизаветы Петровны относительно наследника натолкнулись на совершенно неожиданное препятствие, связанное с состоянием здоровья великого князя, и как окончательно стало ясно, неспособностью его иметь детей.

Екатерина Вторая в «Чистосердечной исповеди», адресованной Г. А. Потемкину, коснулась этого вопроса. Дело в том, что с момента бракосочетания, то есть с 21 августа 1745 года, Елизавета Петровна безуспешно прождала 9 лет, когда же молодая чета подарит наследника. Увы... Все было тщетно.

Екатерина Алексеевна вспоминала в 1774 году:

«Мария Чоглокова, видя, что через девять лет обстоятельства остались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной Государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла иного к тому способа, как обеим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела; с одной стороны выбрали вдову Грот... а с другой Сергея Салтыкова и сего более по видимой его склонности и по уговору мамы, которую в том наставляла великая нужда и надобность».

«Чистосердечная исповедь» адресована избраннику, и потому Екатерина II деликатно, намеками касается щекотливого вопроса. В основном тексте «Записок...» она говорит о предложениях и советах, делаемых ей, более прямо и откровенно.

Что означало выражение «по видимой его склонности»? Ответ можно найти в воспоминаниях, где Екатерина II подробно рассказывает о первом объяснении и о своем отношении к Салтыкову. Трудно сказать, почему клеветники всех мастей игнорируют то, что говорит сама императрица, язык повествования которой значительно превосходит по всем литературным параметрам то, что вымучивают из себя многочисленные шелкоперы. Какая нужда изощряться в словесной эквилибристике, если обо всем достаточно ярко и внятно писала сама Екатерина II?

Справедливее обратиться к сказанному ею самой. Вот как повествовала государыня о первом своем объяснении с человеком, которому судьба определила оставить заметный след в летописи Отечества Российского:

«Во время одного из... концертов Сергей Салтыков дал мне понять, какая была причина его частых посещений. Я не сразу ему ответила; когда он снова стал говорить со мной о том же, я спросила его: на что же он надеется? Тогда он стал рисовать мне столь же пленительную, сколь полную страсти картину счастья, на какое он рассчитывал; я ему сказала:

– А ваша жена, на которой вы женились по страсти два года назад, в которую вы, говорят, влюблены и которая любит вас до безумия, – что она об этом скажет?

Тогда он стал мне говорить, что не все то золото, что блестит, и что он дорого расплачивается за миг ослепления.

Я приняла все меры, чтобы заставить его переменить эти мысли; я простодушно думала, что мне это удастся; мне было его жаль. К несчастью, я продолжала его слушать. Он был прекрасен, как день, и, конечно, никто не мог с ним сравняться ни при большом дворе, ни тем более при нашем. У него не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приемов, какой дают большой свет и особенно Двор. Ему было 26 лет; вообще и по рождению, и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся».

А рядом – совершенно иной экземпляр – грубый, необразованный, косноязычный, так и не освоивший в должной степени русского языка, но научившийся бранным словам. Да к тому же еще волочившийся за всеми женщинами подряд, которые принимали волокитство только благодаря титулу волокитчика, да из желания насолить Великой Княгине Екатерине Алексеевне, к которой испытывали жгучую зависть.

Но Екатерина вовсе не была такой, какую ее постоянно стремятся выставить книжные знатоки тайн чужих постелей, то бишь «сплетники, – по меткому определению княгини Ливен, – хуже старой бабы».

Если Екатерина и обращала внимание на ухаживания, то как сама искренне восклицала: «Бог видит, что не от распутства, к которому никакой склонности не имею».

И ухаживаниям Салтыкова она сопротивлялась долго, вовсе не подозревая, что отчасти они вызваны не только его несомненным к ней чувством, но и настоятельными рекомендациями Марьи Чоглоковой, ответственной за рождение наследника.

«Я не поддавалась всю весну и часть лета, – читаем далее в „Записках...“, – я видала его почти каждый день; я не меняла вовсе своего обращения с ним, была такая же, как всегда и со всеми; я видала его только в присутствии двора или некоторой его части. Как-то раз я ему сказала, чтобы отделаться, что он не туда обращается, и прибавила:

– Почему вы знаете, может быть, мое сердце занято в другом месте?

Эти слова не отбили у него охоту, а наоборот, я заметила, что преследования его стали еще жарче. При всем этом о милом супруге и речи не было, ибо это было дело известное и знакомое, что он не любезен даже с теми, в кого влюблен, а влюблен он был постоянно и ухаживал, так сказать, за всеми женщинами; только та, которая носила имя его жены, была исключена из его внимания».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.